

♦ Валентин СЕРОВ
 Портрет
 К.А.Коровина. 1891
 Холст, масло
 111,2 × 89
 ГТГ

♦ Valentin SEROV
 Portrait of Konstantin
 Korovin. 1891
 Oil on canvas
 111.2 × 89 cm
 Tretyakov Gallery

Лидия Иовлева

О выставке «Константин Коровин. Живопись. Театр»

в залах Государственной Третьяковской галереи

23 ноября старого стиля, или 5 декабря нового стиля, 2011 года исполнилось сто пятьдесят лет со дня рождения выдающегося русского живописца конца XIX — начала XX века Константина Алексеевича Коровина (1861–1939). В преддверии этого славного юбилея Третьяковская галерея и Русский музей договорились об общем выставочном проекте, совпадающем в главном, но различающемся в деталях, т.е. каждый из названных выше музеев — основных держателей творческого наследия мастера — обменивается лучшими произведениями К. Коровина, но делает свой вариант выставки и свои издания к ней.

Оба музея-соорганизатора не ставили перед собой задачи собрать максимально все, что так или иначе связано с творчеством знаменитого русского импрессиониста, но по мере возможности показать на выставках разнообразие его творческих интересов, а именно: станковую живопись К. Коровина — пейзажи, натюрморты, портреты, где он более всего «импрессионист», коровинский театр, т.е. сценографию — эскизы костюмов и декораций, а иногда и сами декорации, театр, которым он занимался всю свою творческую жизнь, и, наконец, монументально-декоративное искусство, в области которого опыт художника и его вклад гораздо менее известны широкой публике, хотя и то, и другое было весьма значительно и интересно. Обе выставки, и питерская, и московская, строились, собственно, на этих трех разделах, но наполнение их было различным. Выставка в Русском музее прошла летом — осенью 2011 года, в Третьяковской галерее проходит с конца марта по конец августа 2012 года.

Московская выставка включает в себя около 250 произведений из 25 музеев (в том числе из ГТГ) Москвы, Петербурга, регионов Российской Федерации, Казахстана и Республики Беларусь. Музеи разные, преимущественно художественные, но важную роль в формировании состава юбилейной выставки К. Коровина играют театральные музеи Москвы и Петербурга: Государственный Центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина, музей Государственного Академического Большого театра, Санкт-Петербургский Государственный музей театрального и музыкального искусства, а также музей Государственного Академического Мариинского театра. Как видим, диапазон музеев-участников выставки достаточно широк.

Константин Коровин был живописцем по призванию, и даже, можно сказать, по рождению. Его называют с полным основанием крупнейшим представителем русского импрессионизма. Действительно, анализируя творчество К. Коровина, читая его воспоминания,

невольно убеждаешься в том, что художник едва ли не с первых своих шагов в искусстве, да и в восприятии мира — природы, человека — стремился постичь, отобразить, прежде всего, впечатление, сиюминутное переживание увиденного. Со времени его появления в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (в 1875 году) он многим казался «не таким, как все», «другим». Учился у А.К. Саврасова и В.Д. Поленова, осваивая их опыт пленэрной живописи, оставаясь декоративистом, любил «пятно» в живописи. Именно это врожденное свойство дарования К. Коровина и обратило на себя внимание занятого поисками «нового театра» С.И. Мамонтова. С легкой руки последнего Коровин стал и реформатором, и главным художником-сценографом России практически на всю жизнь. Но импрессионизм Коровина тоже особенный. Конечно, он имеет прямые связи с, так сказать, классическим французским импрессионизмом второй половины XIX века. Художник любил искусство французских импрессионистов, как любил Париж — этот центр всех «измов» XIX века. Подолгу живя в нем, он с восторгом воспроизводил его оживленные площади и бульвары, его краски, его свет, дневной и особенно лунный или ночной искусственный. Он почти не писал другие города, в том числе и Москву. Россия для него была преимущественно сельской, природной, которую он безмерно любил. К. Коровин, конечно, импрессионист. В его картинах импрессионистически решаются сюжетный мотив как мгновение, остановленный кадр и, соответственно, композиция как бы сосредоточивается на передних планах, пронизанных светом и воздухом с четко

Lydia Iovleva

Konstantin Korovin: His Paintings and Theatre Work at the Tretyakov Gallery

November 23 (December 5, in the “New Style”) 2011 was the 150th anniversary of the outstanding Russian painter of the late 19th-early 20th centuries Konstantin Alexeevich Korovin (1861-1939). In anticipation of this momentous anniversary, the Tretyakov Gallery and the Russian Museum in St. Petersburg agreed to team up for a project in which each party organised a Korovin exhibition so that the two shows would share essential elements but vary in details: the two museums, the main keepers of the great artist’s legacy, exchange his best works but each presents its own version of the exhibition and prepares its own publications to accompany it.

К.А.Коровин
Фотография.
Париж. 1930-е
Государственный
центральный музей
музыкальной культуры
им. М.И. Глинки

Konstantin Korovin
Photo. Paris. 1930s
Glinka National Museum
Consortium of Musical
Culture

Константин
КОРОВИН
Северная
идиллия. 1892
Холст, масло
115 x 155,5

Konstantin
KOROVIN
Northern Idyll. 1892
Oil on canvas
115 x 155.5 cm

Константин
КОРОВИН
Сарай. 1900
Холст, масло
48,8 x 60
ГТГ

Konstantin
KOROVIN
A Barn. 1900
Oil on canvas
48.8 x 60 cm
Tretyakov Gallery

which Korovin was committed throughout his life; and finally, his monumental and decorative projects, the area where Korovin’s contribution and experience is far less known to the general public, although this contribution and experience was very important and interesting. These three sections have been the mainstay of both shows – in St. Petersburg and in Moscow – but each features different exhibits. The Russian Museum held its exhibition in summer and autumn 2011, while the Tretyakov Gallery hosts its show from the end of March until late August 2012.

The Moscow exhibition features nearly 250 pieces from 25 museums (including the Tretyakov Gallery) from Moscow, St. Petersburg, and those around the Russian Federation, Kazakhstan and Belarus. These are different institutions, mostly art museums, but many exhibits at the Korovin anniversary exhibition come from theatre museums in Moscow and St. Petersburg – the Bakhrushin Museum (Moscow), the Bolshoi Theatre Museum (Moscow), the Museum of Theatre and Music (St. Petersburg), and the Mariinsky Theatre Museum (St. Petersburg). Such participating institutions make quite a diverse group.

Konstantin Korovin was a painter by vocation and, one can even say, by birth. It is with good reason that he has been called the greatest exponent of Russian impressionism. Indeed, analyzing Korovin’s

oeuvre and reading his memoirs, one is led to believe that almost from the very beginning of his career, as well as in his approach to the world – to nature and people – the artist tried to capture first of all his impressions, his fleeting experience of things seen. When he began to study at the Moscow College of Painting, Sculpture and Architecture in 1875, he was seen by many as “different from others”, “foreign” and, taught the techniques of painting in the open air by Alexei Savrasov and Vasily Polenov, he was a decorative artist, fond of “colour spots” as a painting method.

It was precisely this innate quality of Korovin’s gift that caught the eye of Savva Mamontov, who was on a quest for “new theatre”. Thanks to Mamontov Korovin would remain practically all his life as a reformer, as well as Russia’s greatest stage designer. But Korovin’s impressionism, too, is idiosyncratic. There is no doubt that it is directly related to what may be called classic French impressionism of the second half of the 19th century. Korovin was fond of the art of the French impressionists just as he was fond of Paris – this centre of all “-isms” of the 19th century where he spent long periods of his life, lovingly imaging its bustling squares and boulevards, its colours, its daylight and especially moonlight or artificial night time lighting. Korovin almost never painted other cities, not even Moscow. Russia for him was a mostly rural country close to nature, and he loved it immensely. Korovin is undoubtedly an impressionist. His paintings are impressionist images akin to freeze frames, captured moments, and his compositions, accordingly, are focused on a foreground suffused with light and air, with carefully crafted reflections of colours. Korovin enthusiastically used, especially in his mature years, the technique of broken brush strokes, but wide ones rather than small, and his brushwork became ever more decorative over the years.

At the exhibition in Moscow, as well as at its St. Petersburg counterpart, Korovin’s paintings have been displayed in a manner intended to highlight their “evolution” – from the early pieces to the later ones, from painting in the open air to

impressionism and decorative impressionism, but the 1900s-1910s, the period when both Korovin’s talent and public recognition were at its pinnacle, can be divided into categories according to the subjects of his pictures: picturesque views of Paris and France, heartrending landscapes of rural Russia, portraits, excellent romantic nocturnes, nocturnal moonlit landscapes, luxurious still-lives, Gurzuf and Okhotino, where the artist had summer houses, Udomlya and, finally, several pieces created in exile (1923-1939), which remains the least studied and the saddest period in his life.

Both the Moscow and St. Petersburg shows have a special section featuring large mural pieces and studies for them created by Korovin as he worked on assignments for the Russian National Exhibition of Industries and Art held in Nizhny Novgorod (at the Tretyakov Gallery) and its Parisian counterpart, the 1900 World Fair (Exposition Universelle) (at the Russian Museum).

The commission to design and create the lay-out for the Far North section at the Nizhny Novgorod exhibition was secured by Korovin through Savva Mamontov, the

artist's friend and major patron. Korovin's work on this project has been covered in many articles devoted to both him or Mamontov, including some articles in our exhibition catalogue. These articles also focus on the famed and important expeditions to the Far North undertaken by the Russian artists (Valentin Serov, Nikolai Dosekin and, most importantly, Korovin himself) organised by Savva Mamontov, and on the great success of the paintings and accompanying sketches brought by the artists from the North. In fact the Russian painters "discovered" the northern nature, its austere environment combined with a limpidity and combination of light and air in its colours such as they had never seen before. But the most interesting is the history of the creation, existence and public viewings of both the Paris and Nizhny Novgorod murals in museums is most interesting. The history of the 1900 Parisian murals is simpler: after the enormous success of Russia's pavilion, or rather pavilions, and its exhibits, Korovin received plenty of medals and other awards, including the Legion of Honour (*Ordre national de la Légion d'honneur*) from the government of France. Shortly after the World Fair in Paris closed, all the murals were sent to the Russian Museum of Emperor Alexander III (now the Russian Museum in St. Petersburg), where they are held to this day. The anniversary exhibition at the Russian Museum offered these items for public viewing almost for the first time in their history, and the show caused quite a sensation.

As for the Nizhny Novgorod murals, their road to the Tretyakov Gallery was not smooth. When the exhibition closed in 1896, Savva Mamontov, the pieces' de-facto owner, had them stored inside the Yaroslavl station in Moscow, then recently rebuilt to Fyodor Schechtel's design (the station, too, was a brainchild of Mamontov, who masterminded the construction of a northern railway reaching Arkhangelsk). The pieces remained there until 1961, when after the latest in a series of renovation and expansion projects the board of the Moscow-Passenger station of the Yaroslavl railroad decided to get rid of them on account of their uselessness and even decrepitude, and sent them to the Tretyakov Gallery for good. For a long time the murals were kept in the gallery's store-rooms spread on frames specially manufactured for the purpose. In the late 1990s-early 2000s the Tretyakov Gallery began renovation of the murals, which required much work from the gallery's renovators and considerable resources. Four murals out of ten had been renovated by the time the exhibition opened. These four pieces will be on view alongside the relevant sketches and studies in a specially designated area at the show. We hope that the public will duly appreciate both the innovative approaches Korovin applied to this sort of creative activity, which was all but forgotten in Russia by the end of the 19th century, and the efforts and craftsmanship of the restorers

Константин
КОРОВИН
*Портрет
хористки.* 1887
Холст, масло
53,5 x 41,2
ГТГ

Konstantin
KOROVIN
*Portrait of
a Chorus Girl.* 1887
Oil on canvas
53.5 x 41.2 cm
Tretyakov Gallery

Константин
КОРОВИН
Зимой. 1894
Холст на картоне,
масло. 37,3 x 52,7
ГТГ

Konstantin
KOROVIN
In Winter. 1894
Oil on canvas mounted
on cardboard
37.3 x 52.7 cm
Tretyakov Gallery

обозначенными цветовыми рефлексами. Художник охотно использует, особенно в зрелые и поздние годы, раздельный мазок, но не мелкий, а чаще широкий, и чем позднее, тем мазок становится декоративнее.

На московской выставке, как, впрочем, и на питерской, картины К. Коровина показываются в их «эволюционном развитии» — от ранних к поздним, от пленэра к импрессионизму и декоративному импрессионизму. Период 1900–1910-х годов, время расцвета творчества художника и время его общественного признания, делится в основном по сюжетным мотивам: красочные виды Парижа и Франции вообще; проникновенные сельские пейзажи России; портреты; великолепные романтические ноктюрны, т.е. лунные ночные пейзажи; роскошные натюрморты; Гурзуф, Охотино, где находились дачи художника; Удомля. И, наконец, немного работ эмигрантского периода (с 1923 по 1939 год), самого непрямого и самого печального в творческом наследии мастера.

Особый раздел выставок как московской, так и питерской, составляют картины-панно и этюдный материал к ним, созданные К. Коровиным для Всероссийской художественной и промышленной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде (ГТГ) и для аналогичной Всемирной выставки 1900 года в Париже (ГРМ).

К оформлению и проектированию павильона Крайнего Севера на Нижегородской выставке К. Коровин был привлечен все тем же С.И. Мамонтовым, к тому времени его большим другом и покровителем. Об этой работе художника написано немало статей, связанных с жизнеописанием как Мамонтова, так и Коровина, в том числе и в каталоге выставки Третьяковской галереи. Рассказывается в них и о знаменитых и знаменательных экспедициях на Крайний Север русских художников (В.А. Серова, Н.В. Досекина и, в первую очередь, самого К.А. Коровина), также организованных Саввой Мамонтовым, о большом успехе картин и этюдов, которые они привезли с Севера. По существу, это было «открытие» русскими живописцами северной природы, ее сурового облика и одновременно невиданной ранее прозрачности и световоздушности ее цветовой палитры. Но в данном случае наибольший интерес представляет история создания, бытования и показа как парижских, так и нижегородских панно в музеях. История бытования парижских панно 1900 года проще. После огромного успеха Русского павильона, вернее павильонов, и произведений, экспонировавшихся в них, К. Коровин получил множество медалей и вообще награды, включая и Орден Почетного Легиона от Правительства Франции. Вскоре после закрытия Парижской выставки все панно

Константин
КОРОВИН
*Гаммерфест.
Северное сияние*
1894–1895
Холст, масло
176,5 x 106,7
ГТГ

Konstantin
KOROVIN
*Hammerfest.
The Northern Lights.*
1894-1895
Oil on canvas
176.5 x 106.7 cm
Tretyakov Gallery

были переданы в Русский музей имени императора Александра III (Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге), где хранятся и поныне. На минувшей юбилейной выставке в ГРМ их показ был едва ли не первым и в значительной степени сенсационным.

Путь в Третьяковскую галерею нижегородских панно был тернист. После закрытия выставки в 1896 году по распоряжению С.И. Мамонтова, их фактического владельца, все десять панно были размещены в только что заново отстроенном по проекту Ф. Шехтеля Ярославском вокзале (опять же детище С.И. Мамонтова — инициатора и строителя северной, до Архангельска, железной дороги). Там они и находились вплоть до 1961 года, когда после очеред-

ной перестройки и расширения вокзала они за ненадобностью и даже обветшалостью были переданы Управлением станции Москва-Пассажирская Ярославской железной дороги на вечные времена в Третьяковскую галерею. Долгое время панно хранились в запасниках галереи на специально изготовленных для них валах. В конце 1990-х—начале 2000-х началась реставрация панно, потребовавшая немалых средств и профессиональных усилий реставраторов Третьяковской галереи. Ко времени выставки отреставрировано четыре панно из десяти. Они и будут в окружении этюдно-эскизного материала демонстрироваться в специально выделенном для них выставочном разделе. Надеемся, что публика по достоинству

Константин
КОРОВИН
*Париж. Бульвар
Капуцинок.* 1902
Холст, масло
67,2 × 88,4
ГТГ

Konstantin
KOROVIN
*Paris. Boulevard
des Capucines.* 1902
Oil on canvas
67.2 × 88.4 cm
Tretyakov Gallery

Константин
КОРОВИН
*Рыбы, вино
и фрукты.* 1916
Холст, масло
66 × 87,7
ГТГ

Konstantin
KOROVIN
*Fishes, Wine and
Fruits.* 1916
Oil on canvas
66 × 87.7 cm
Tretyakov Gallery

Константин
КОРОВИН
Бумажные фонари
1896
Холст, масло
79,8 × 33
ГТГ

Konstantin
KOROVIN
Paper Lanterns
1896
Oil on canvas
79.8 × 33 cm
Tretyakov Gallery

who preserved the murals for posterity. The Nizhny Novgorod murals are on public display for the first time, at least for the last 70–80 years. Because of difficulties of transportation the Tretyakov Gallery does not exhibit the Parisian murals.

Concluding this review of Korovin's decorative murals exhibited at the Tretyakov Gallery, one feels obliged to mention another of his monumental compositions that is little known to the general public.

The exhibition features Korovin's frieze mural titled "Old Monastery", on display for the first time in 50 years. Experts argue, with good reason, that Korovin accomplished this piece (which may have been a commissioned work) specially for a show of Russian art organised by Sergei Diaghilev in 1906 in Paris. The catalogue of that show lists under No. 234 a Korovin piece titled "Une Ville du Nord (fries)", unfortunately without referencing its measurements. There is also some evidence to support this version: the special "graphic", that is linear, manner typical for the "World of Art", and the use of distemper, which was also a favourite of the "World of Art", instead of oil paints. One should remember that the late 1890s and the early 1900s was the period of Korovin's closest involvement with the "World of Art" group and Diaghilev. Nothing is known about the piece's history before 1946, when it was acquired by the Tretyakov Gallery. The mural was transferred to a new canvas especially for the show and "set right" by the gallery's restorers.

Finally, the theatre section ("Theatre") was envisioned as one of the most sensational features of the Moscow exhibition. Scores of Korovin's celebrated watercolour sketches of sets and costumes are held at theatre and art museums both in Russia and abroad. They are quite often featured at exhibitions focused in one way or another on the history of Russian theatre. The Russian Museum's show featured them, and so does the Tretyakov Gallery's. Korovin's original costumes for different productions have survived and been shown at exhibitions, albeit less frequently. But stage sets as such normally do not have a long life. Usually they disappear when the related production is finished, and Korovin once had a truly dramatic experience: in the spring of 1914 the Maly Theatre's store-rooms in Moscow, the depository of nearly all sets of the Imperial Theatres, suffered a fire which destroyed nearly every piece created by Korovin and his assistants. But along with such dramatic events life sometimes comes up with magic surprises as well.

When he lived in Paris as an émigré, Korovin was often offered commissions to design opera or ballet productions realised by private theatre companies similar to Diaghilev's, by quite a few of Russian theatre masters, with a cast centred around a famed performer – a singer like Feodor Chaliapin, or a ballerina like Anna Pavlova. Such theatrical undertakings were short-lived, and as the 1930s drew to a close, their numbers

оценит новаторство К. Коровина в этом к концу XIX века изрядно подзабытом в России виде художественного творчества, а также усилия и мастерство реставраторов, сохранивших панно для истории. Нижегородские панно демонстрируются фактически впервые, по крайней мере, за последние 70–80 лет. Из-за сложности перевозки парижские панно в Третьяковской галерее не показываются.

Завершая рассказ о разделе монументально-декоративной живописи К. Коровина на выставке в Третьяковской галерее, нельзя не упомянуть еще об одной малоизвестной публике работе художника в этом виде искусства.

Впервые за последние 50 лет на выставке демонстрируется большое, более семи метров в длину, панно-фриз К. Коровина «Старый монастырь». Специалисты с небольшим основанием полагают, что фриз был исполнен специально (а может быть, и по заказу) для выставки Русского искусства, организованной в 1906 году в Париже С.П. Дягилевым. В каталоге этой выставки под № 234 упомянута работа К. Коровина с названием «Une Ville du Nord (fries)», к сожалению, без указания размеров. В пользу этой версии говорит также особая, типично «миriskussническая», подчеркнута «графическая», т.е. линейная, манера его исполнения и использование темперной, а не масляной техники, что также было любимо художниками «Мира искусства». Нельзя забывать, что конец 1890-х и начало 1900-х годов – это время наибольшего сближения К. Коровина с «Миром искусства» и с С.П. Дягилевым. В Третьяковскую галерею фриз попал в 1946 году при полной неясности его предыдущего бытования. Специально для выставки панно было дублировано на новый холст и вообще «приведено в порядок» реставраторами Третьяковской галереи.

Наконец, одним из самых сенсационных разделов коровинской выставки в ее московском варианте призван был стать «Театр». Знаменитые коровинские акварельные эскизы декораций и костюмов в немалом количестве хранятся во многих театральных и художественных музеях страны и за рубежом. Довольно часто экспонируются они и на выставках, так или иначе связанных с историей русского театра. Были они на выставке в Русском музее, есть и в Третьяковской галерее. Сохранились и показываются, хотя значительно реже, оригинальные коровинские костюмы для различных спектаклей. Но историческая жизнь собственно декораций недолговечна, она заканчивается вместе с окончанием спектаклей, а с работами К. Коровина вообще случилась настоящая драма. Весной 1914 года на складах Малого театра в Москве, где хранились декорации почти всех Императорских театров, случился пожар, во время которого погибло все, что было сделано либо самим К. Коровиным, либо его помощниками. Но вместе с драматическими событиями в жизни часто случаются и волшебные неожиданности.

Константин
КОРОВИН
*Старый
монастырь*. 1906
Декоративное
панно. Фриз
Холст, темпера
103 × 750
ГТГ

Konstantin
KOROVIN
Old Monastery. 1906
Decorative Mural.
Frieze
Tempera on canvas
103 × 750 cm
Tretyakov Gallery

were thinning and poverty and privation was tightening its grip over Korovin.

One of Korovin's last theatrical works was a production of Nikolai Rimsky-Korsakov's opera "The Golden Cockerel" in 1934, realised by a theatre company called "Casino" in the French town of Vichy. The production did not go unnoticed, but in general it was not a good time for Russian opera in Europe. Nevertheless, the wealth of the materials created in preparation for the Vichy production – the sets and costumes – survived and was deposited in entirety in the collection of Grigory Ivanovich Raisov (Steiner), a lyric tenor singer who enjoyed popularity in the early 20th century and like Korovin lived outside Russia since 1919. After Raisov's death this colossal array of stage items was inherited by his daughter, and later, already in 1980, went to auction in Paris, to be bought, also in its entirety, by a remarkable individual, Alexander Lyapin, a true and unselfish friend of Russia and a grandson of the illustrious Russian landscape painter Vasily Polenov. Lyapin's generosity is well known among the staff of many Moscow museums, and in 1986 he donated the entire theatrical col-

lection he had acquired (418 items in total) to the Bakhrushin Museum.

The catalogue of the Moscow exhibition contains an article about this truly miraculous story, written by a researcher from the Bakhrushin Museum Galina Devyatova, and I sincerely thank her for the opportunity to use several facts. With the kind consent of the Bakhrushin Museum's management, some items from this treasure trove enjoy their first ever public display at the Tretyakov Gallery's exhibition. In this case too, we hope that the Moscow public and all visitors will duly appreciate both the sets, produced with the direct participation of Korovin, and the gigantic efforts the two museums involved had to take in order to bring and to array the huge sets within a non-theatrical space poorly suited for this sort of display.

Preparing the exhibition "Konstantin Korovin: His Paintings and Theatre Work. Dedicated to the Artist's 150th Anniversary", the Tretyakov Gallery's experts and curators did much work compiling a database of his certified genuine works (using X-rays, ultraviolet photography, macro-photography, chemical tests of the paints

used by the artist, analysis of reference signatures, etc.). All items loaned for the exhibition by private collectors were examined against the obtained data, and most of Korovin's works held at the gallery were scrutinised, and the signatures, captions and date attributions of several frequently re-printed pieces were re-read or corrected – including "A Chorus Girl" (its date changed from 1883 to 1887), and "Northern Idyll" (dating changed from 1886 to 1892). The most interesting results of these investigations are displayed at the exhibition.

As a companion piece to the show, the Tretyakov Gallery has released a comprehensive and colourful catalogue, prepared by the museum's researchers and highlighting the complete array of the diverse exhibits on view. We hope that the exhibition "Konstantin Korovin: His Paintings and Theatre Work. Dedicated to the Artist's 150th Anniversary", that opened at the Krymsky Val building of the Tretyakov Gallery, will become a special occasion for all lovers of Russian art and a noteworthy event in the cultural life of Moscow in 2012.

Живя в Париже, в эмиграции, К. Коровин не раз получал заказы на оформление оперных или балетных спектаклей, которые ставились в антрепризах, по примеру дягилевских, целым рядом русских театральных деятелей под знаменитых исполнителей – певцов (Ф.И. Шаляпин), балерин (Анна Павлова) и т.п. Век такого рода антреприз был недолог, и чем ближе к концу 1930-х годов, тем их становилось все меньше, тем тяжелее нужда и лишения терзали Коровина.

Одной из последних театральных работ художника стало оформление в 1934 году оперы Н.А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» в театре «Casino» французского города Виши. Постановка была замечена, но времена для русских опер в Европе наступили тяжелые. Тем не менее весь богатейший материал к постановке «Золотого петушка» в Виши – декорации, костюмы – были сохранены и оптом попали в коллекцию известного в начале XX века певца (лирического тенора) Григория Ивановича Раисова (Штайнера), также жившего с 1919 года в эмиграции. После смерти Г.И. Раисова весь этот огромный театральный реквизит перешел в собственность его дочери, а затем уже в 1980 году был выставлен на аукцион в Париже, где был куплен, также целиком, замечательным человеком, истинным и бескорыстным другом России Александром Александровичем Ляпиным, внуком знаменитого русского пейзажиста В.Д. Поленова. А.А. Ляпин был хорошо известен своей щедростью многим московским музейщикам. В 1986 году Александр Александрович подарил Бахрушинскому музею приобретенную им театральную коллекцию целиком (418 предметов).

Рассказу об этой поистине волшебной истории в каталоге московской выставки посвящена специальная статья научного сотрудника Бахрушинского музея Г.А. Девятовой, которой я приношу искреннюю благодарность за возможность использования некоторых фактов.

С любезного согласия дирекции Бахрушинского музея малая часть этих сокровищ показывается практически впервые на выставке в Третьяковской галерее. И вновь мы надеемся, что мос-

ковская публика и все наши гости по достоинству оценят и сами декорации, сработанные несомненно при непосредственном участии К. Коровина, и те огромные усилия, которые пришлось предпринять обоим музеям, чтобы привезти и разместить огромные декорации в совсем не театральном и, следовательно, малоприспособленном для этого пространстве.

В процессе подготовки выставки «Константин Коровин. Живопись. Театр. К 150-летию со дня рождения» экспертами и кураторами Третьяковской галереи была проделана большая работа по составлению банка данных эталонных произведений (рентгенограммы, фотографии в ультрафиолетовых лучах, макросъемка, химические анализы используемых художником красок, анализы эталонных подписей и т.п.). На основе полученных данных были проверены все поступившие на выставку картины из частных собраний, проанализирована большая часть

коровинских работ, хранящихся в галерее, прочитаны заново или уточнены подписи, надписи и датировки ряда неоднократно публиковавшихся работ, таких как «Хористка» (передатирована с 1883 на 1887 год) или «Северная идилия» (картина передатирована с 1886 на 1892 год) и т.д. Наиболее яркие результаты этих исследований также показываются на выставке.

Третьяковская галерея выпустила к выставке большой и красочный каталог-альбом, подготовленный ее научными сотрудниками, вмещающий в себя весь материал, показываемый на выставке, во всем его разнообразии.

В заключение хочется выразить надежду, что выставка «Константин Коровин. Живопись. Театр. К 150-летию со дня рождения», открытая в залах Третьяковской галереи на Крымском валу, станет праздником для всех любителей русского искусства и крупным событием московской художественной жизни 2012 года.

Константин
КОРОВИН
Пристань в Гурзуфе
1914
Холст, масло
89 × 121
ГРМ

Konstantin
KOROVIN
Pier in Gursuf. 1914
Oil on canvas
89 × 121 cm
Russian Museum

Константин
КОРОВИН
На берегу моря. 1910
Холст, масло
46,5 × 77
ГРМ

Konstantin
KOROVIN
On the Seashore. 1910
Oil on canvas
46.5 × 77 cm
Russian Museum

